Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/WSNXXI
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос+Рус)4

СЮЖЕТЫ О СЛОНЕ В «ЗАПИСКАХ О МОСКОВИИ» ГЕНРИХА ФОН ШТАДЕНА И В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII–XVI ВВ.

© 2022 г. О.А. Туфанова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 24 июля 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 27 сентября 2022 г.
Дата публикации: 25 декабря 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-126-141

Аннотация: В статье рассматривается художественное своеобразие рассказа о необычном подарке иранского шаха русскому царю в «Записках о Московии» Генриха фон Штадена, анализируются особенности использования приема остранения. Отказываясь от использования изобразительно-выразительных средств и излагая исключительно факты, Штаден невольно создает у читателя особое восприятие русских опричников как циничных людей, для которых попрание моральных норм и культ безжалостного произвола есть образ жизни. История со слоном, вписанная в общий рассказ об опричнине, демонстрирует пренебрежительное отношение Штадена к Ивану Грозному и его подданным как к жестоким, аморальным варварам, не способным ни дорожить статусными дипломатическими подарками, ни заботиться о живом существе должным образом, ни руководствоваться элементарной логикой при оценке событий. Обзор древнерусских источников, в которых упоминаются слоны, показал, что развитие сюжетов идет по четырем линиям: первая — описание животного и символическое толкование, вторая — упоминание о слонах как экзотике восточных стран, третья — использование слонов для демонстрации богатства того или иного лица и/или в качестве устрашения врага в бою, четвертая — особенности поимки слонов. На этом фоне «Записки о Московии» Генриха фон Штадена с развернутым сюжетом о слоне, подаренном Ивану Грозному, выглядят весьма экзотично для древнерусской литературы. Сомнительный с точки зрения исторической достоверности факт, странное убийство животного, оскорбительное описание русских как жестоких варваров — все это, скорее всего, и послужило причиной отсутствия данного сюжета в оригинальной словесности, современной написанию «Записок о Московии», впрочем, как и в русской литературе XVII столетия.

Ключевые слова: «Записки о Московии», Штаден, дипломатические донесения, слон, поэзия факта, экзотика Востока, древнерусская литература.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2254-7969
E-mail: tufoa@mail.ru

Для цитирования: *Туфанова О.А.* Сюжеты о слоне в «Записках о Московии» Генриха фон Штадена и в древнерусской литературе XII–XVI вв. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 126–141. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-126-141

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 4, 2022

PLOTS ABOUT AN ELEPHANT IN THE *NOTES ON MUSCOVY* BY HEINRICH VON STADEN AND IN OLD RUSSIAN LITERATURE OF THE 12TH–16TH CENTURIES

© 2022. Olga A. Tufanova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: July 24, 2022
Approved after reviewing: September 27, 2022
Date of publication: December 25, 2022

Abstract: The article examines the literary originality of story about an unusual gift of Iranian Shah to the Russian Tsar in the *Notes on Muscovy* by Heinrich von Staden, analyzes the features of using the estrangement technique when assessing the actions of Russian people in relation to an elephant and Arab caring for him, specifics of perception and image of guardsmen. By refusing to use figurative and expressive means and presenting only facts, Staden involuntarily creates in the reader a special perception of Russian guardsmen as cynical people, for whom the violation of moral norms and the cult of ruthless arbitrariness is a way of life. The story of an elephant, inscribed in the general story of oprichnina, demonstrates Staden's dismissive attitude towards Ivan the Terrible and his subjects as cruel, immoral barbarians, unable to value diplomatic gifts of status, to take care of a living being properly, or to be guided by elementary logic in assessing events. Overview of the Old Russian sources that mention elephants showed that the development of plots goes along four lines: the first is the description of an animal and symbolic interpretation, the second is the mention of elephants as an exotic of Eastern countries, the third is the use of elephants to demonstrate the wealth of a particular person and/or as an intimidation of the enemy in battle, the fourth — the features of capturing elephants. Against this background, the *Notes on Muscovy* by Heinrich von Staden with a detailed plot about an elephant presented to Ivan the Terrible, look very exotic for Old Russian literature. A fact doubtful from the point of view of historical authenticity, a strange murder of an animal, an insulting description of Russians as cruel barbarians — all this, most likely, was the reason for the absence of this plot in the original literature, contemporary with the writing of the *Notes on Muscovy*, however, as well as in Russian seventeenth century literature.
Keywords: *Notes on Muscovy*, Staden, diplomatic reports, an elephant, poetry of fact, exoticism of the East, Old Russian literature.
Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2254-7969
E-mail: tufoa@mail.ru
For citation: Tufanova, O.A. "Plots about an Elephant in the *Notes on Muscovy* by Heinrich von Staden and in Old Russian Literature of the 12th–16th Centuries." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 126–141. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-126-141

«Записки о Московии» Генриха фон Штадена — одно из редких переводных произведений, в котором упоминается о «самом экзотичном подарке», по выражению М.В. Моисеева [8, с. 209], который был сделан Ивану Грозному иранским шахом Тахма́спом. Этот необычный подарок — слон! Для XVI в. подобное событие — явление не рядового порядка, и, казалось бы, о нем должны были писать многие, или по крайней мере должны были сохраниться хотя бы какие-то краткие записи в летописцах. Но — увы! В оригинальных исторических сочинениях об этом не сказано ни слова. Более того, согласно исследованию М.В. Моисеева, «вся эта ситуация крайне плохо прослеживается по документам», поскольку «от раннего этапа русско-иранских отношений документов не сохранилось» [8, с. 209; 9, с. 444–450].

Рассказ же об этом событии в «Записках о Московии» Генриха Штадена (точнее — в первой части, имеющей заглавие «Страна и правление московитов, описанные Генрихом фон Штаденом»), занимающих в иностранной мемуаристике о России, по словам А.Л. Хорошкевич, особое положение, поскольку «это фактически приложение к грандиозному плану завоевания... страны германским императором» [15, с. 29], не может не впечатлять.

Генрих фон Штаден пишет, что слон был подарен великому князю «вместе с арабом, управляющим этим слоном» [20, с. 125] (в переводе И.И. Полосина — «который за этим слоном ухаживал» [20, с. 523]), и был, по мысли М.В. Моисеева, «предметом экспонирования» за Воскресенскими воротами на Красной площади [8, с. 213] (по мнению Л. Юзефовича — у Троицких ворот [18, с. 118]). Помимо слона, здесь были выставлены на всеобщее обозрение и львы, еще один дипломатический подарок — от ан-

глийской королевы Марии Тюдор[1]: «Здесь находятся двойные ворота, львы стояли здесь во рву под стеной; их прислала великому князю королева из Англии. Около этих ворот обычно стоял слон, прибывший из Аравии» [20, с. 169–171].

Скорее всего, во второй половине XVI столетия при царском дворе начал складываться некий зверинец, в который помещали экзотические дипломатические подарки. Об этом писал не только Генрих фон Штаден, но и побывавший в Москве в 1599 г. в составе посольства, отправленного шахом Аббасом I, в качестве первого секретаря Орудж-бек [24, с. 156–159], «обыспанившийся азербайджанец из племени баят» [10, с. 92]. Вполне вероятно, экзотических животных демонстрировали и ранее, при Иване Грозном, с целью «подчеркнуть силу русского государя» [12, с. 75]. В то же время эти «дипломатические дары», как и многие другие, «играли определенную роль в репрезентации власти: с одной стороны они подчеркивали роль донатора, с другой указывали место в мировой иерархии получателя дара» [8, с. 213]. Организация же экзотического зверинца явилась «результатом подражания образцам» [6, с. 372], следования традиции, восходящей к обычаю народов Дальнего Востока ловить диких зверей и «содержать их <…> в особых помещениях при царских дворцах» [5, с. 75], что изначально было связано с «культом соответствующих животных» [5, с. 75], который в дальнейшем был переосмыслен в своеобразный ритуал репрезентации власти.

Казалось бы, столь статусный подарок, подчеркивающий репрезентацию власти, необходимо беречь, проявлять повышенную заботу о нем. Но не тут-то было! Слон оказался в Москве не в то время! Сначала «русские бражники», т. е. «бездельники, горькие пьяницы, которые в тайных корчмах бросают кости и ведут игру» [20, с. 125], убили из-за денег жену араба. Затем: «Этого араба русские обвинили вместе со слоном, объявив, что чума, которой будто бы отродясь не помнили в Москве, пошла от араба и слона. Тогда араб попал в немилость и был сослан в посад Городки» [20, с. 125].

Есть, правда, и иная версия, за что пострадали араб и слон. Павел Одеборн в «Памфлете» писал, что животное обучали придворному церемони-

1 1 мая 1557 г. для царя Ивана IV русскому послу в Лондоне Осипу Непею были переданы грамота и подарки: «Кромѣ разныхъ матерiй и суконъ, царю были подарены превосходныя латы съ шишакомъ, обложеннымъ кармазиннымъ бархатомъ и позолоченными иглами <…>. Еще отправлена была чета живыхъ львовъ» [4, с. 63].

алу становиться на колени, и весьма жестоко: «Тонким острым железным лезвием он (великий князь. — *О.Т.*) прокалывал кожу на лбу у слона и этой кровавой операцией думал добиться цели» (цит. по: [11, с. 211]). Дрессура не удалась — и слона убили.

Согласно же «Запискам…» Штадена, слона отправили в ссылку вместе с арабом, где они прожили недолго. «Араб умер», — сообщает немец, умалчивая о причинах. И тогда «великий князь послал одного боярина с наказом убить слона, позвав на помощь близлежащие сохи и горожан посада» [20, с. 125]. Дальнейшие события Штаден, тоже не комментируя и не оценивая, излагает в духе сентиментальной криминальной истории, не лишенной извращенной фантазии. В ней потрясает и поведение слона, и поведение русских людей: «Слон находился в сарае, а вокруг шел тын, недалеко оттуда был похоронен араб. Слон вырвался из сарая и лег на могилу. Там его добили окончательно. Затем ему выломали зубы и принесли великому князю в доказательство того, что он издох» [20, с. 125, 127]. В переводе И.И. Полосина: слон «стоял [обычно] в крытом помещении, а кругом него был палисадник», который он «проломил», а затем «улегся на могиле» [20, с. 523].

Повествование о трагической участи слона в «Записках о Московии» лишено каких-либо изобразительно-выразительных средств, неэмоционально. Но эта установка на фактологию, реализуемая через последовательный рассказ о действиях, содержит скрытую насмешку над всеми участниками события, которые ведут себя по меньшей мере странно. Вместо того чтобы заботиться о статусном дипломатическом подарке, русские ссылают слона, а потом и вовсе убивают. Для доказательства исполнения княжеской воли вырывают то ли «зубы» (в переводе С.Н. Фердинанд), то ли «клыки» (в переводе И.И. Полосина). Почему именно их — неясно из анализируемого фрагмента. Неясна при сопоставлении двух переводов и истинная причина того, зачем слон отправился на могилу араба: то ли он вырвался из сарая, где начали его убивать (раз уж на могиле «добили»), в поисках защиты, то ли так сильно скучал по почившему арабу, то ли… Догадок может быть много. Но не будем их множить, а сосредоточимся на двух вопросах: 1) почему Штаден изображает в истории со слоном русских такими странными? и 2) почему об этой истории умолчали русские летописцы?

Чтобы ответить на эти вопросы, сделаем небольшое отступление. Генрих фон Штаден (1542 – после 1579) жил в России с 1564 по 1574/1575 г.

[20, с. 56]. Ф.Т. Эптштейн, публикатор немецкого текста, отмечал, что «Записки...» Штадена представляют собой конволют, состоящий из четырех разделов: 1) «Страна и правление московитов» (л. 1–50), 2) проект (л. 50 об. – 66), 3) прошение императору Рудольфу II (л. 66 об. – 69), 4) «автобиография» (л. 69 об. – 97) [20, с. 58]. При этом почти все исследователи, обращавшиеся к «Запискам...», единогласно весьма нелицеприятно отзываются об авторе. Так, И.И. Полосин отмечал, что описание опричнины в сочинении Штадена — это «повесть душегубства, разбоя, татьбы с поличным» [29, с. 47]; С.Б. Веселовский назвал это произведение «бессвязным рассказом едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста» [3, с. 56–57]. Сходную оценку давала самому Штадену и его текстам А.Л. Хорошкевич: «Авантюрист и предприниматель, учившийся на священника, но лишенный каких-либо моральных устоев, мародер и обманщик...» [15, с. 26]; «В “Автобиографии” же Штаден выступает беспринципным и бессовестным человеком, легко переступающим через трупы, в том числе и беззащитных женщин» [15, с. 45].

И действительно, повествуя о делах опричников и самого царя Ивана Грозного, Штаден легко и непринужденно, без комментариев и эмоциональных восклицаний, типичных для древнерусских книжников, описывающих какие-либо злодеяния, методично рассказывает о том или ином событии. И в этих рассказах страшная поэзия факта говорит сама за себя. Сжигание и разорение деревень, церквей, изощренные способы убийства людей, надругательства и глумление над трупами, унижение и оскорбление женщин — ничто не трогает Штадена, все факты излагаются деловито сухо и «с неподражаемым цинизмом» [29, с. 47]. Приведу для наглядности несколько примеров:

> После этого великий князь отправился в путь со своими опричными и сжег по стране все вотчины, принадлежавшие этому Ивану Петровичу; церковные деревни были сожжены вместе с церквями и всеми иконами и убранством, какие там были внутри. Женщинам и девушкам приказали раздеться догола и пустили по полю ловить кур [20, с. 101].
>
> Прибыли на ям, или почтовый двор Черная. Тут опричные стали чинить разбой. Где ночью стоял великий князь, утром все было подожжено и сгорело дотла. Подъезжавших из Москвы к заставе князей или бояр или их

> слуг, желавших попасть в лагерь, из отобранного им лично народа, стража хватала, связывала и сразу же убивала. Некоторых раздевали перед великим князем донага и катали по снегу до тех пор, пока те не испускали дух; та же участь была уготована тем, кто хотел выбраться из лагеря в Москву и был схвачен стражей [20, с. 113].
>
> После того великий князь вошел в город Тверь и приказал грабить все, и церкви, и монастыри и лишать жизни всех пленных и своих собственных людей, которые породнились и подружились с чужеземцами. Поскольку <река была покрыта> льдом, всем мертвым отсекали ноги и спускали под лед в речку Волгу [20, с. 113].
>
> После этого великий князь приказал отравить прилюдно на пиру князя Владимира Андреевича, жену раздеть донага и стрельцам расстрелять ее с позором; из его бояр или князей никого не осталось [20, с. 121].

Во всех этих случаях Штаден придерживается приема остранения, но особого рода. В. Шкловский в работе «Искусство как прием» писал, что «остранение есть почти везде, где есть образ. <…> Целью образа является не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “ви́денья” его, а не “узнаванья”» [16, с. 20]. Отказываясь от использования каких-либо изобразительно-выразительных средств, даже от простых сравнений, придающих повествованию эмоциональность, и излагая исключительно факты, Штаден невольно создает у читателя особое восприятие русских, точнее — русских опричников, как циничных людей, для которых попрание моральных норм и культ безжалостного произвола есть образ жизни. Циничное изложение однотипных фактов и «непроявленность авторской позиции» остраненно выдают высокомерие иностранца, «с явным пренебрежением» относившегося «ко всему русскому», по оценке В.Б. Кобрина [7], и к самим русским. В этом контексте и история со слоном, вписанная в общий рассказ об опричнине, как нельзя лучше характеризует отношение Штадена и к Ивану Грозному, и к его подданным как к жестоким, аморальным варварам, не способным ни дорожить статусными дипломатическими подарками, ни заботиться о живом существе должным образом, ни руководствоваться элементарной логикой при оценке событий.

Теперь обратимся ко второму вопросу: почему об истории со слоном умолчали русские летописцы?

Самый простой ответ — не дарил иранский шах Тахмасп слона Ивану Грозному! И потому этот факт не зафиксирован в русских исторических памятниках.

Но предположим иное: иранский шах Тахмасп отправлял слона Ивану Грозному. И тогда убийство животного, как и неподобающее отношение к дипломатическому подарку, отнюдь не делало чести царю, да и вполне могло грозить, в случае огласки, международным скандалом.

Очевидные исторические и политические причины не дают объяснения, почему древнерусские книжники обошли вниманием этот любопытный сюжет в случае, если дарение слона все-таки было. А сам сюжет со слоном порождает новую цепочку вопросов, в частности, вопрос о том, как изображали этих животных в оригинальных и переводных памятниках XII–XVI вв.

Не претендуя на полноту, обозначим основные сюжеты, в которых упоминаются и/или являются героями слоны. И для начала обратимся к светским повествованиям.

Прежде всего, эти животные встречаются в памятниках, посвященных индийским сюжетам и реалиям[2], и представляются как нечто чудесное и весьма экзотичное для русских людей. Так, в греческом «Сказании об Индийском царстве», созданном в XII в. и попавшем на Русь в XIII или XIV столетии [25, с. 523], в предисловии дважды говорится о том, что основная цель этого послания — поведать о чудесах Индийской земли: «...и повелел послу расспросить о величестве его силы и о всех *чудесах* Индийской земли. <...> если хочешь узнать мою силу и все *чудеса* моей земли, продай всю свою Греческую землю... А цены твоего царства не хватит тебе на хартию, потому что невозможно тебе описать моего царства и всех *чудес* моих» (цит. по: [25, с. 523], курсив мой. — *О.Т.*).

После описания необычных людей, живущих в Индийском царстве, в «Сказании...» приводится список зверей: «...а родятся у мене во царствии моемъ звѣрие у мене: слонови, дремедары, и коркодилы и велбуди керно» [25, с. 396]. В дальнейшем ни описания слонов, ни каких-либо примечательных характеристик автор послания не приводит, в отличие от харак-

2 Подробный анализ образа древней Индии и реалий древнеиндийской литературы в русской культуре XI – середины XV вв. см.: [17]. Об особом космографическом статусе Индии в переводных древнерусских памятниках см.: [13].

теристик, например, крокодила или птицы феникс. Но если посмотреть на список животных и птиц, которые упоминаются, то получается весьма любопытная картина. Слоны открывают ряд экзотических живых существ, наделяемых весьма необычными свойствами: слоны, дромадеры, крокодилы, двугорбые верблюды, петухи, на которых ездят люди, птица ног, вьющая гнездо на пятнадцати дубах, птица феникс, — и это косвенным образом характеризует и самих слонов как нечто чудесное и необычное для русского читателя.

Как экзотичное для русского и в то же время привычное для индийцев описывает слонов и их использование и Афанасий Никитин в «Хождении за три моря». Так, рассказывая о правлении Асад-хана джуннарского, Афанасий Никитин не называет слонов «чудесами» Индийской земли, они так же привычны там, как и кони: «...а слоновъ у него (у хана. — *О.Т.*) и коний много добрых...» [28, с. 14]. Они могут быть предметом торговли: «...слоны продаютъ в локоть...» [28, с. 22]. Вместе с тем слоны являются своеобразным показателем статусности и богатства того или иного хана. Чем больше слонов (и не только слонов, коней, людей), тем значительнее властное лицо. Это особенно заметно в сравнительном описании прогулок бояр, ханов и султана. Если первых выносят на прогулку в сопровождении пеших и конных индийцев, а также коней «въ снастех золотых до 20» [28, с. 17], то в эскорте султана, выезжающего «на потѣху» с матерью и женой, значится уже 200 слонов «наряженых в доспѣсѣх золочоных» [28, с. 17]. Для сравнения: когда на прогулку выезжает брат султана, его сопровождает только 50 слонов [28, с. 26].

Слонов облачали не только в золотые доспехи, тоже являющиеся своеобразным знаком, подчеркивающим богатство правителя, но и в стальные латы или боевые доспехи. С этой точки зрения впечатляет выезд султана во время байрама на прогулку. Помимо всех прочих, его сопровождали 300 слонов в булатных доспехах: «На баграмъ на бесерменьской выехал султанъ на теферичь, ино с нимъ 20 възыревъ великых, да триста слоновъ наряженых в булатных в доспѣсех да с городкы, да и городкы окованы, да в гороткѣх по 6 человѣкъ в доспѣсех, да с пушками да с пищалми; а на великомъ слонѣ 12 человѣкъ, на всякомъ слонѣ по два проборца великых, да къ зубомъ повязаны великыя мечи по кентарю, да к рыломъ привязаны великыя желѣзныя гыры, да человѣкъ сѣдить в до-

спѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него в руках желѣзной великы, да тѣмъ его править; да коней простыхъ тысяча въ снастѣхъ золотых, да верблюдовъ сто с нагарами, да трубникъвъ 300, да плясцевъ 300, да ковре 300... <...> да за ним благой слонъ идетъ, а весь в камкѣ наряжанъ, да обиваеть люди, да чепь у него велика желѣзна во ртѣ, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на султана не наступилъ блиско» [28, с. 23–24]. Здесь слоны с огромными гирями и мечами весом более 20 кг (подробнее об облачении боевых слонов см.: [28, с. 221, примеч. 113, с. 233, примеч. 250]) показываются уже не только и не столько как знак богатства, сколько как грозные животные, используемые для охраны султана.

Не раз упомянет Афанасий Никитин и о том, что слонов в Индии использовали в бою. Например, характеризуя хорасанцев, он отмечает: «А бой их все слоны, да пѣшихъ пускаютъ наперед, хоросанци на конехь да в доспѣсехъ, и кони и сами; а къ слономъ вяжуть к рылу да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да оболочат ихъ в доспѣхъ булатный, да на них учинены городъкы, да и в горотъкѣ по 12 человѣкъ в доспѣсех, да все с пушками да стрелами» [28, с. 16]. В повествовании о завоевании Виджаянага пишет, что рать Мелик-ат-туджара сопровождали 100 слонов «з городкы да в доспѣсехъ» [28, с. 26]. А далее и вовсе приводит целый перечень тех, кто принимал участие в военном походе, сопровождая среди прочего информацией о том, сколько боевых слонов каждый из ханов повел с собой на бой: «А у Бинедарьскаго князя 300 слоновъ <...>. Султанъ выехал из города Бедеря въ 8-и месяць по Белице дни, да с ним <...> выехало <...> 300 слоновъ с городкы да в доспѣсехъ, да 100 лютых звѣрей о двою чепѣх. А с братом с султановым вышло <...> 100 слоновъ наряжаных в доспѣсехъ. А за Малханом вышло <...> 20 слоновъ наряжаных. А зъ Бедерьханомъ вышло <...> слоновъ 25 наряжа||ных с горотки. А с султаном вышло <...> слоновъ 10 с городкы. А з Возырханомъ вышло <...> слоновъ 15 наряженых. А с Кутарханом вышло <...> 10 слоновъ. <...> А с ындѣйскым авдономомъ вышло 40 слоновъ наряжаных в доспѣсех, да по 4 человѣкы на слонѣ с пищальми. <...> И султанъ ополѣлся на индѣянъ, што мало вышло с ним, и онъ еще прибавилъ <...> 20 слоновъ» [28, с. 27]. Косвенно это подтверждает ранее высказанную мысль о том, что для Афанасия Никитина количество слонов, которыми владел тот или иной хан, определяется его материальным состоянием и в свою очередь проясняет степень его достатка.

Если в «Хождении за три моря» боевые слоны подвергаются счету (у кого сколько), то в «Александрии», в частности, в «Сказании о том, как пришел Александр на индийского царя Пора и победил его», они изображаются средством устрашения врага. После поражения в первом бою Пор обратился за советом к вельможам, и они предложили: «Великий царю Поре, нектому людей посылай на брань, но великии лепанди и дивныи лвове» [19, с. 102–104]. Сказано — сделано: «Поръ же 100 тысяч лепандъ приведъ, рекше слоны, и ковчеги на них древянии сотвори и в коемъждо ковчеге по двадесят человѣкъ вооруженных, и на бой на Александра пошли» [19, с. 104]. Однако устрашить противника при помощи боевых слонов не получилось: «Александръ же повелѣ своимъ всѣмъ прапорцы на кони поставити и на бой к нимъ борзо поиде, людей же пѣших оруженных двѣсте тысяч поведе, ноги слоном подсекати повелѣ. Слонове же прапорный звукъ слышавше, уполошишася и побегоша» [19, с. 104].

Контрастное описание слонов, с одной стороны, как животных огромного размера, а с другой — как беззащитных, порой беспомощных, слабых, встречается не только в «Александрии». Мотив слабости большого животного так или иначе постоянно сопутствует рассказам религиозного толка о слонах в древнерусской литературе. Слон боится мышей [22, л. 101–102; 14, с. 32], звука колокольчиков («Александрия», см. выше), ест только после уговоров («Стефанит и Ихнилат»: «…великому же елефанду отвращающуся и не приемлющу пища, едва укрощениемъ ядуща» [27, с. 212]), не имеет коленных суставов и потому спит, прислонившись к дереву, и если упадет, то самостоятельно не может встать («Физиолог» [21, с. 367], «Слово о рассечении человеческого естества» [26]).

Согласно «Летописцу Еллинскому и Римскому», именно эта физиологическая особенность ног у слонов позволяет охотникам легко их ловить: «И стада слоновъ многа пасущася, яже улавляют образомъ тацѣм. Имат бо слонъ ногы несгыбающася и, егда спит, у древа прислонився; ловци же усмотривше, егда онъ спит, и они подътрут древо пилами. Слон же, ринувся, не может пакы въстати, и ловци имуть ú» [23, с. 145].

В «Летописце Еллинском и Римском» подчеркивается, что физически сильные слоны, подобно другим хищникам, зачастую оказываются беспомощны перед умом человеческим и попадают в сети охотников, так

же как варвары «буяюще множеством вон, удобъ умомъ еллиньскым побъжаеми бывают» [23, с. 138].

В различных редакциях «Физиолога» слон служит символом грехопадения Адама и Евы, «искупления Христом греха Адама», обозначения «человека, отдающего свое богатство нуждающимся» или «ленивого на поклоны во время молитвы» [1, с. 233–235; 26]. Весьма часто подчеркивается «целомудрие» слонов [2, с. 249; 21, с. 366–367].

Круг оригинальных и переводных древнерусских памятников XII–XVI вв., в которых упоминаются слоны, не так уж и велик, еще уже круг памятников с сюжетами о слонах. Развитие идет по четырем непересекающимся линиям: первая — описание животного и символическое толкование (в основном в произведениях религиозного толка), вторая — упоминание о слонах как экзотике восточных стран, третья — использование слонов для демонстрации богатства того или иного лица и/или в качестве устрашения врага в бою, четвертая — особенности поимки слонов. Наиболее полноценное развитие сюжетов о разных особенностях слонов и их жизни, сопровождаемое религиозным толкованием, наблюдается в «Физиологе», все иные сюжеты не обретают полноты и остаются едва намеченными.

На этом фоне «Записки о Московии» Генриха фон Штадена с довольно развитым сюжетом о слоне, подаренном Ивану Грозному, выглядят весьма экзотично для древнерусской литературы. Сомнительный с точки зрения исторической достоверности факт, странное убийство животного, якобы спровоцировавшего распространение чумы в Москве, оскорбительное описание русских как жестоких варваров — все это, скорее всего, и послужило причиной отсутствия данного сюжета в оригинальной словесности, современной написанию «Записок о Московии», впрочем, как и в русской литературе XVII столетия.

Список литературы

Исследования

1 *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 1999. 320 с.

2 *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / пер. с нем. М.: Республика, 1996. 333, [2] с.

3 *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 539 с.

4 *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. Статья первая. 179 с.

5 *Иванов Вяч.Вс.* Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.

6 *Каравашкин А.В.* Визуальное в древнерусской литературе (экфрасис, свидетельства очевидцев, описания) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 371–389. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-371-389

7 *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/GROZNY/GROZNY_2.HTM (дата обращения: 15.02.2022).

8 *Моисеев М.В.* Слон Ивана Грозного // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск: РИВШ (Республиканский институт высшей школы), 2010. Вып. 3. С. 209–220.

9 *Новосельцев А.П.* Русско-иранские отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 444–461.

10 *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1949. 384 с.

11 *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.

12 *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М.: ООО «Старая Басманная», 2011. 204 с.

13 *Свиридова Л.О.* Утопический образ Индии в древнерусских письменных памятниках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 1, № 1. С. 107–113.

14 *Уайт Т.Х.* Средневековый бестиарий. Что думали наши предки об окружающем мире / пер. с англ. С. Федорова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. 287 с.

15 *Хорошкевич А.Л.* Вступление // Записки о Московии: в 2 т. / [пер. С.Н. Фердинанд; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич, А.А. Булычев, С.Н. Фердинанд; редкол. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др.]. М.: Древлехранилище, 2008–2009. Т. 1: Публикация. 2008. С. 8–56.

16 *Шкловский В.* Искусство как прием // *Шкловский В.* О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 9–25.
17 *Шохин В.К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.): Источниковедческие проблемы. М.: Наука, 1988. 333, [2] с.
18 *Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

Источники

19 Александрия // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 8. С. 14–149.
20 Записки о Московии: в 2 т. / [пер. С.Н. Фердинанд; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич, А.А. Булычев, С.Н. Фердинанд; редкол. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др.]. М.: Древлехранилище, 2008–2009. Т. 1: Публикация. 2008. 582 с.
21 *Карнеев А.Д.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. [СПб.]: Имп. О-во любителей древней письменности, [1890]. 463 с.
22 Книга сия философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем. СПб.: Лит. А. Бетгрова, 1878. 156 с. (Изд-во О-ва любителей древней письменности (ОЛДП). Вып. XVIII).
23 Летописец Еллинский и Римский. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1: Текст. 510 с.
24 Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского / пер. с англ., введ., коммент. и указ. О. Эфендиева, А. Фарзалиева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 211 с.
25 Сказание об Индийском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 5. С. 396–401.
26 Слово о рассечении человеческого естества // РНБ. ОЛДП. О. 133 Апокалипсис лицевой с прибавлением. Втор. пол. XVIII в. 179 + XXXIX л. URL: https://expositions.nlr.ru/literature/drevrus/show_Manuscripts.php?i=78181BF2-08F4-4B00-8184-D4E58634860A&v=XVII&l=23 (дата обращения: 12.01.2022).
27 Стефанит и Ихнилат // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 8. С. 210–273.
28 Хожение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472 гг. 2-е изд., доп. и перераб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 282 с.
29 *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. Л.: М. и С. Сабашниковы, 1925. 182 с.

References

1 Belova, O.V. *Slavianskii bestiarii. Slovar’ nazvanii i simvoliki* [*Slavic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols*]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)

2 Bidermann, G. *Entsiklopediia simvolov* [*Encyclopedia of Symbols*], trans. from German. Moscow, Respublika Publ., 1996. 333, [2] p. (In Russ.)

3 Veselovskii, S.B. *Issledovaniia po istorii oprichniny* [*Studies on the History of the Oprichnina*]. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1963. 539 p. (In Russ.)

4 Gamel’, I.Kh. *Anglichane v Rossii v XVI i XVII stoletiiakh* [*Englishmen in Russia in the 16th and 17th Centuries*]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1865. 179 p. (In Russ.)

5 Ivanov, Viach.Vs. “Tipologiia avtobiograficheskogo poucheniia tsaria kak zhanra” [“Typology of the Tsar’s Autobiographical Instruction as a Genre”]. *Slavianovedenie*, no. 2, 2004, pp. 69–79. (In Russ.)

6 Karavashkin, A.V. “Vizual’noe v drevnerusskoi literature (ekfrasis, svidetel’stva ochevidtsev, opisaniia)” [“Visual in Old Russian Literature (Ekphrasis, Eyewitness Accounts, Descriptions)”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 19. Ed.-in-chief O.A. Tufanova, ex. ed. E.A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 371–389. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-371-389 (In Russ.)

7 Kobrin, V.B. *Ivan Groznyi* [*Ivan the Terrible*]. Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/GROZNY/GROZNY_2.HTM (Accessed 15 February 2022). (In Russ.)

8 Moiseev, M.V. “Slon Ivana Groznogo” [“An Elephant of Ivan the Terrible”]. *Studia historica Europae Orientalis = Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy* [*Studia historica Europae Orientalis = Studies in the History of Eastern Europe: Collection of Articles*], issue 3. Minsk, Respublikanskii institut vysshei shkoly Publ., 2010, pp. 209–220. (In Russ.)

9 Novosel’tsev, A.P. “Russko-iranskie otnosheniia vo vtoroi polovine XVI v.” [“Russian-Iranian Relations in the Second Half of the 16th Century”]. *Mezhdunarodnye sviazi Rossii do XVII v.* [*International Relations of Russia until the 17th Century*]. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1961, pp. 444–461. (In Russ.)

10 Petrushevskii, I.P. *Ocherki po istorii feodal’nykh otnoshenii v Azerbaidzhane i Armenii v XVI – nachale XIX v.* [*Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th – Early 19th Centuries*]. Leningrad, A.A. Zhdanov Leningrad State University Publ., 1949. 384 p. (In Russ.)

11 Polosin, I.I. *Sotsial’no-politicheskaia istoriia Rossii XVI – nachala XVII v.* [*Socio-political History of Russia in the 16th – Early 17th Centuries*]. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1963. 384 p. (In Russ.)

12 Pchelov, E.V. *Bestiarii Moskovskogo tsarstva: zhivotnye v emblematike Moskovskoi Rusi kontsa XV–XVII vv.* [*Bestiary of Muscovite Kingdom: Animals in the Emblems of Muscovite*

Russia at the End of the 15th–17th Centuries]. Moscow, OOO “Staraia Basmannaia” Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)

13 Sviridova, L.O. “Utopicheskii obraz Indii v drevnerusskikh pis’mennykh pamiatnikakh” [“Utopian Image of India in Old Russian Written Monuments”]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 1, no. 1, 2008, pp. 107–113. (In Russ.)

14 Uait, T.Kh. *Srednevekovyi bestiarii. Chto dumali nashi predki ob okruzhaiushchem mire* [*Medieval Bestiary. What Did Our Ancestors Think about the World Around Us*], trans. from English S. Fedorova. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf Publ., 2013. 287 p. (In Russ.)

15 Khoroshkevich, A.L. “Vstuplenie” [“Introduction”]. *Zapiski o Moskovii: v 2 t.* [*The Notes on Muscovy: in 2 vols.*], vol. 1 (2008); trans. S.N. Ferdinand; introd. A.L. Khoroshkevich, A.A. Bulychev, S.N. Ferdinand; editorial board A.L. Khoroshkevich (ex. ed.) at all. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2008–2009, pp. 8–56. (In Russian)

16 Shklovskii, V. “Iskusstvo kak priem” [“Art as a Device”]. Shklovskii, V. *O teorii prozy* [*On the Prose Theory*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1983, pp. 9–25. (In Russ.)

17 Shokhin, V.K. *Drevniaia Indiia v kul’ture Rusi (XI – seredina XV v.): Istochnikovedcheskie problemy* [*Ancient India in the Culture of Russia (11th – the Middle of the 15th Century): Source Problems*]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 333, [2] p. (In Russ.)

18 Iuzefovich, L. *Put’ posla. Russkii posol’skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial* [*Ambassador’s Way. Russian Embassy Custom. Everyday Life. Etiquette. Ceremonial*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2007. 344 p. (In Russ.)